

Геннадий
Хазанов:

Я сторонник просвещенного авторитаризма

Здоровый смех всегда был показателем здоровья общества. Это особенно остро чувствуется накануне 1 апреля. И с кем же поговорить на эту тему, как не с Геннадием Хазановым, народным артистом России, художественным руководителем Театра эстрады.

«Городок» мне до сих пор не надоедает

— Геннадий Викторович, на днях вы устроили настоящую шоковую терапию для своих поклонников, сказав, что покинете сцену...

— Где я это сказал?!

— Как где, вся пресса сообщала об этом, Интернет забит этой новостью.

— Это журналисты так аккуратно «рубанули» мои слова. А на самом деле история такова. На «Первом канале», в программе «Доброе утро», я беседовал с Александром Стриженовым. Рассказал ему о сложностях, которые возникли с моими сольными выступлениями. После чего он с легкой улыбкой спросил: «Так что же получается: худрук Хазанов уволил артиста Хазанова?» «Получается, что так...» — ответил я с такой же улыбкой. Всё! Остальное — интерпретация наших СМИ. Да и вообще это касается только сольных выступлений. А так у нас постоянно идут спектакли, в которых я занят: «Ужин с придурком», «Смешанные чувства». Сейчас репетируется «Все, как у людей» по пьесе французского драматурга Камю. Готовит его Театр Антона Чехова и его художественный руководитель Леонид Трушкин. Так что получается, до осени 2005 года времени для сольных выступлений у меня не остается.

— Но это в будущем, а что сейчас с ними происходит?

— 19–21 марта мой сольный спектакль шел даже не при аншлаге, а при перепродаже (надеюсь, так же будет 16 и 18 апреля). В отличие от февральских выступлений, когда действительно была продана только половина билетов.

— Может быть, цена высокая?

— Самый дорогой билет на мое выступление стоит 500 рублей. А билеты на Андрея Данилко — Верку Сердючку в концертном зале «Россия» продавались по 1500–8000 рублей. Дело в другом. Без широкого рекламного обеспечения артист эстрады не может выступать в Москве каждый месяц. В феврале такого обеспечения не было, а в марте было. Одно только изготовление и расклеивание больших афиш обошлось нам в 700 тысяч рублей — представляете, как это увеличивает себестоимость билетов? Многие люди и организации помогли моей рекламной кампании, что называется, за спасибо. Но за спасибо можно сделать только один раз. Вот и получается, что я как артист эстрады оказываюсь в информационной блокаде. Независимо от качества вечера зритель не идет на артиста, потому что не знает о нем.

— И такая картина только в Москве или по всей России?

— В Москве. А в России она совсем другая. Записывайте: Хазанов для большинства городов России как эстрадный артист либо неинтересен, либо интересен только для тех, у кого нет денег...

— Знаете, а по дороге к вам я увидел афиши: «Театр эстрады. Евгений Петросян».

— Все правильно. Петросян у нас выступает регулярно, потому что у него есть хорошее информационное обеспечение. Он с полным правом использует свой телеэфир, чтобы рассказать о своих же концертах.

— Да, но качество...

— Да что качество! Попробуйте убедить того, кто привык пить самогон, что тонкое французское вино лучше.

— Хорошо, а почему бы вам самому не взяться за производство какой-нибудь телепрограммы?

— Мне это неинтересно. И не вижу в этом смысла. Зачем? Чтобы дать на один концерт больше? И что? Я это уже видел: переполненные стадионы, именно стадионы, а не дворцы спорта... Имя какое-никакое у меня, слава Богу, есть. Теперь главное — не потерять его.

— То есть вы от телевидения самоустранились. И там расплодилось множество плохоньких программ, воспитывающих дурной вкус...

— Да что вы все о воспитании вкуса. Насильно этого не сделаешь. Вон советская власть сколько сил положила, чтобы все бежали в консерваторию. И что? Народ все равно ее не послушал и предпочел Токарева и Шуфутинского. В конце концов, никто не

“Делать телепрограмму? Мне это неинтересно. И не вижу в этом смысла. Зачем? Чтобы дать на один концерт больше?”

заставляет зрителя смотреть юмористические программы. А он смотрит. Рейтинг — объективный показатель. В свою очередь, эти программы выгодны производителям. Они очень рентабельны, дешевы в производстве. Выпустил артиста на сцену, снял — и все. Если вы спросите, не многовато ли этих программ, скажу: «Да, многовато!» И все похоже друг на друга. Разве что «Городок» выбивается из общего ряда.

— «Выбивается» в хорошем смысле?

— Да, конечно! Его делают очень талантливые люди. Сколько лет существует «Городок», но мне он не надоедает. Все очень точно, современно по манере, по ритму. По всему. Это даже не телепрограмма, это — кино. Юра Стоянов — молодец. И Илья — молодец. Мы с ним вместе учились. И я очень рад, что он нашел свое место в творчестве. Я просто горжусь, что на нашем телевидении есть такая программа.

Я думаю, нет русского юмора

— Как вы относитесь к КВН?

— Это гениальное изобретение. Такое же гениальное, как рождение детей. Не просто игра, состязание остроумцев, а вечный

фото Максима Бурлака

регенеративный процесс, при котором, кроме того, еще и получаешь удовольствие. Это какая-то сумасшедшая скорость, другое мышление, своя эстетика.

— А как насчет качества текстов, актерской игры?

— Я воспринимаю КВН как игру в самодельной системе координат. И если эта самодельность зачастую более профессиональна, чем то, что мы видим в профессиональных юмористических телепередачах, это говорит об уровне наших профессионалов.

— Что же вас не устраивает в профессиональных юмористах?

— Если говорить о текстах, то я не вижу сегодня материала, который удовлетворял бы меня лично. А насчет актеров... Я не вижу сегодня учебно-тренировочного процесса артистов эстрады. Они живут по принципу «гастроли нон-стоп»: самолет — сцена — поезд — сцена — самолет и так далее.

— И еще раз о КВН. Недавно кавээнщики через СМИ обвинили Петросяна в краже шуток. Кстати, я тоже когда-то был кавээнщиком и через одного одесского автора моя шутка вошла в ваш репертуар. Что вы можете сказать об этом?

— А что тут говорить? Карамзин давно уже объяснил, как одним словом сказать, что происходит в России: «Воруют!»

— Геннадий Викторович, а может, это вообще исторически предопределено, что в экономике мы подтягиваемся до развитых стран, а в юморе опускаемся до них же.

— Думаю, да. Юмор, окрашенный интеллектом — рудимент советской жизни. Острое слово было кислородом, которым дышали в душевной атмосфере. А сейчас в этом нет необходимости.

— Так, может, со временем рядом с устойчивыми понятиями «английский юмор», «французский юмор», «еврейский юмор», «немецкий юмор» появится и «русский юмор»?

— Не знаю. Я бы скорее говорил о русскоязычном юморе. Потому что есть Михаил Евдокимов и есть Михаил Жванецкий. Получается, что и то, и другое русский юмор. Но между ними пропасть...

К понятию «интеллигент» теперь отношусь отрицательно

— Раньше в словосочетании «Театр эстрады» ударение делалось на слово «эстрада». А теперь, с вашим приходом, на слово «театр». В качестве худрука театра как бы вы оценили театральную жизнь Москвы, России?

— Мне ближе всего то, что делает Петр Фоменко. И конечно же режиссер Трушкин, который занимается, я бы сказал, демократическим театром. Занимается, несмотря ни на что, переноса высокомерия, оскорбления, унижения со стороны эстетов и гурманов, которые полностью погружены в нарциссизм и педерастию, именуемые у них самовыражением.

— Суровый диагноз. А какие у вас взаимоотношения с кино?

— Михаил Козаков как-то сказал: «Для Хазанова кинематограф нужно изобретать». А в российском кино сейчас такие дела, что ему не до меня. А мне соответственно не до него.

— У вашего театра очень символическое местоположение: справа Кремль, прямо кафедральный собор РПЦ — храм Христа Спасителя, слева «Президент-отель»...

— Понимаю, о чем вы. Говорю сразу: я сознательный сторонник просвещенного авторитаризма. А насаждение либерализма в нашей стране очень напоминает выращивание ананасов в Норильске. Это так, как бы грустно ни было тем, кто причисляет себя к армии российской интеллигенции.

— Вы отрицательно относитесь к понятию «интеллигент»?

— С некоторых пор да. Ни для кого не секрет, что это российское изобретение. Что такое интеллект, как говорят в мире, я понимаю. А что такое интеллигент — нет. Крестьянин, живущий по законам и заповедям, получается, не интеллигент. А человек, который ставит спектакль, не выдерживающий минимальных требований по наличию стыдливости, почему-то считает себя интеллигентом!

— Разговор о юморе получился у нас не смешным. Вся надежда на то, что хотя бы 1 апреля вы проведете весело.

— Да. 1 апреля я буду сидеть на заседании президиума комитета по вручению Государственных премий. Представляю там секцию эстрады и цирка. А вечером пойду на открытие российско-германской выставки.

— И что же, никакого смеха, шуток, веселья, розыгрышей?..

— Если то, что я вам назвал, не состоится, значит, меня все-таки разыграли...

И тут Геннадий Викторович улыбнулся — впервые за всю беседу.

■ Олег Кудрин.